

лательно для работы по Манилию, т.к. докторские диссертации и некоторые издания его [...] тоже у меня погибли.

ДАЧО. – Ф. Р-6121. – Оп. 1. – Спр. 281. – Арк. 36–38 зв. Оригінал.

Олександр Коваленко, Людмила Ясновська

Невідомі сторінки "Археологических журналов" С. Гатцука

Разом із сповненим тяжких випробувань і блискучих досягнень двадцятим століттям остаточно відійшов у минуле класичний тип краєзнавця-універсала, який однаково вільно почувався у питаннях географії, археології, етнографії, історії своєї маленької батьківщини. Притаманна цим подвижникам енциклопедична обізнаність у наш час вузької спеціалізації фахівців викликає подив, а повсякденна самовіддана праця – захоплення. До їх числа належав і народний вчитель із с. Старі Чешуйки Мглинського повіту колишньої Чернігівської губернії (нині село Мглинського району Брянської області Російської Федерації) Семен Андронович Гатцук, який з ентузіазмом досліджував археологічні старожитності, пам'ятки архітектури, колекціонував антикваріат, книги і рукописи, піклувався про збереження історико-культурної спадщини. "Універсали гетманов, полковников малороссийских идут на обертки, рушатася, обращаются в груды мусора дворцы, распахиваются ... курганы", – занепокоєно констатував С.А. Гатцук і енергійно намагався зарадити справі.

Досить повне уявлення про коло наукових інтересів і дослідницьку методику С.А. Гатцука дозволять скласти так звані "Археологические журналы" – 5 рукописних зошитів, датованих 1900 – 1903 рр., що зберігаються в Чернігівському історичному музеї ім. В.Тарновського¹.

Фрагмент одного з "Археологических журналов" С.А. Гатцука за нез'ясованих обставин потрапив до особистого фонду відомого українського ученого П.І. Смолічева, що зберігається у Науковому архіві Інституту археології НАН України (зауважимо, що у 20-х рр. він працював у Чернігівському державному музеї)². Вони становлять значний інтерес у контексті біографії С.А. Гатцука та взаємин між місцевою владою та аматорами старовини, які часом набували характеру відкритого або прихованого протистояння.

Приводом до конфлікту, про який ідеться в "Археологическом журнале" С.А. Гатцука, стала його активна участь у підготовчих роботах до XII Всеросійського Археологічного з'їзду, що мав відбутися у 1902 р. в Харкові. На пропозицію тамтешнього Попереднього комітету в травні 1900 р. обов'язки його регіонального осередка взяло на себе Ніжинське історико-філологічне товариство, членом якого, зокрема, був С.А. Гатцук. У складі Товариства було створено спеціальну Археологічну комісію, покликану безпосередньо координувати діяльність місцевих істориків та краєзнавців, які надсилали до Ніжина відомості про історико-культурні пам'ятки Чернігово-Сіверщини й старожитності для вис-тавки, що зазвичай супроводжували подібні наукові форуми³. До цієї роботи долучився і С.А. Гатцук. Серед інших матеріалів, які він відправив до Ніжина, були опис замиського палацу останнього гетьма-

на Лівобережній Україні К.Г. Розумовського у селі Баклань (нині Почепського району Брянської області Російської Федерації), а також інформація про автентичний універсал чернігівського полковника і наказного гетьмана П.Л. Полуботка. Очевидно, про це стало відомо жандармам (С.А. Гатцук прямо говорить про перлюстрацію своєї кореспонденції), які "порадили" краєзнавцю уникати подібних сюжетів. Саме ця прикра "історія з археологією", що засвідчила сваволлю жандармських чинів і викликала цілком справедливе обурення С.А. Гатцука, знайшла відображення у його "Археологическом журнале".

Фрагмент "Археологического журнала" за 1901 р. друкується мовою оригіналу згідно норм сучасного російського правопису із збереженням усіх лексичних та стилістичних особливостей авторського тексту. Скорочені слова доповнено у квадратних дужках. Граматичні помилки й описки виправлено без застережень, пунктуацію наближено до сучасних вимог. Нерозібрані місця в тексті позначено трикрапкою у квадратних дужках. Горизонтальними рисками підкреслено слова та словосполучення, виділені в авторському тексті. У примітках наведено відомості про деяких осіб та окремі події, що згадуються в листах.

1. Докладніше див.: Коваленко О.Б., Ясновська Л.В. "Археологические журналы" Семена Гатцука // Слов'яно-руські старожитності Північного Лівобережжя. – Чернігів, 1995. – С. 109–111; *Їх же*. Листи С. Гатцука до В. Модзалевського // Скарбниця української культури. – Чернігів, 2002. – Вип. 3. – С. 157–159.

2. Науковий архів Інституту археології НАН України. – Ф. 6. – Спр. 100. – Арк. 1–15.

3. Сборник Историко-филологического общества при Институте кн. Безбородько в Нежине. – Нежин, 1903. – Т. IV. – С. 4, 13, 36, 51–53.

Опекуны над археологией

На этот раз "Археологический журнал" оказался более чем необходим: он даже в этом вопросе "экстренный". Начну без предисловий. На днях я был у нашего предводителя дворянства А.М. Скаржинского, который прежде "конфиденциально" и потом уже явно (при земском начальнике Н.К. Вериге и других) заявил мне, что, будучи в Чернигове, он виделся с жандармским полковником Рудовым (кажется так?), который передал ему адресованный мне совет "не писать ничего про старину, особенно гетманщину... Я его (т.е. меня, Гатцука) жалею и не хочу ему вредить". Подлинные слова полковника.

Удивленный и оскорбленный такими словами, я прежде всего хотел обратиться к полковнику с резким письмом, что дало ему повод так неблагонадежно и думать обо мне, потом одумался, успокоился и решил этот факт довести до сведения Общества, ближе и безопаснее пока, до уважаемого Михаила Николаевича¹, а также лиц, знакомых с моей маленькой деятельностью. Инцидент пока этот, как и распечатывание моей корреспонденции полицией в июне месяце, теперь стал понятным... Дело, конечно, носит личный характер, но оно касается прямо и непосредственно археологии, скромных лиц, собирающих сведения для Общества, и вот почему я. В этом деле я непобедим, так как у меня нет ничего на душе "не патриотического", я люблю свою родину, науку, и никакие "советы" не могут меня остановить или бросить описания памятников. Мне кажется, что мало найдется лиц, имеющих гражданское мужество вступить в пререкания с жандармскими властями, вот в этих ви-

дах, в защиту науки и маленьких людей я и поднимаю этот вопрос.

Насколько я помню, моих работ чисто "малороссийских – гетманских" только две – Бакланский дворец² и универсал Полуботка³. Первый дан уже в Общество, и можно видеть, что там кроме восхищения дворцом нет ничего. Дальше: все описанные исторические факты опираются у меня на печатные ссылки или указания на ту или другую цензурную книгу. Универсал Полуботка еще не отослал, я посылал описание универсала в Общество, где указывал кем написан, по какому поводу, сделал ссылки на Бантыш-Каменского "Историю Малой России", а что он произнес перед Петром Великим речь, за которую пострадал, так это исторический факт, и в описании универсала доминантой его является не эта черта жизни гетмана, а юридическое умение решить сложное дело. Ему, Полуботку, жаловался некий о. Феодосий на своего тестя за невыдачу обещанной третьей части. Полуботок довольно своеобразно решил: "послать туда посла Заводовского, чтобы он разобрал "спаржачих" (спорщиков) по-доброму, так, чтобы "не было до нас апелляции" ни от кого! Замечательно умное решение, к которому не прочь бы прислушаться и современные судачи. Вот главная мысль моя в описании универсала. В Общество не было послано описание; был послан абрис его с просьбой просмотреть черновик, что нужно выбросить, и тогда я послал бы уже готовое полное описание. Значит, и с этой стороны я поступил дальновидно, и полиция, получив абрис, ни юридически, ни нравственно не вправе считать меня "неблагонадежным".

Да и смею думать, что археолог, копающийся в курганах, старых заржавленных вещах не будет примешивать политику. Но так как маленькому человеку, а народному учителю в особенности, нет ничего легче повредить и отнять у него его черствый кусок хлеба, то в задачах Общества, лишь кажется, из интереса к науке, любви к родине, должна существовать прямая обязанность – это защита маленьких людей. Я не говорю о себе. Я представляю себе народного учителя, существующего на 300 – 400 руб. с семьей в среднем 5 – 6 душ, который бы, положим, пожелал поделиться своими знаниями, охотно потрудиться для пользы науки и т. д. Разве он, при таком инциденте не сложил бы руки, не бросил перо, не перепугался бы до истерики? И кто же более всего потерял бы? Конечно наука, отечественная археология! Какому-либо жандармскому полковнику приснится во сне малороссийская рожа, и он, ничтоже сумняшеся, будет раздавать "советы" описывателям старины?! Почему сам полковник не описывает старины? И что это за опека над мужами в археологических работах? Это же такая невинная и патриотическая работа, что нужно иметь отдельную способность из мухи создать слона.... И разве у него нет никаких дел, что он свое благосклонное внимание обратил на археологию? Что же им руководит? Мне кажется, что не больше и не меньше, как заполучение награды, повышения – словом показать свое усердие ... Хотя бы эта награда искупилась бы потом и кровью народного учителя и патриота ...

Как мне лично не грустно за него, но, тем не менее, я должен разочаровать его, что увы! В этом деле он глубоко разочаруется, и вся его энергия, быть может, гениальные жандармские способности не приведут к желаемому ... Уже чего-чего, а заподозрить меня в любви не России, будь-то Великобритания, Малороссия, Белоруссия и т. д. – я не позволю... Не могу же я приписать себе то, что не имею, да и не желаю иметь. Я глубоко благоволю перед настоящей русской политикой, радуюсь движению русских на Азию, даже готов, кажется, сам немного двинуться хотя бы и на Европу... Мне вспомнился писатель Меншиков⁴, его уже никоим образом нельзя заподозрить в "неблагонадежности", еще более – сомневаться в его альтруистических порывах, что он сказал, когда узнал о занятии Артура? "Мне, моему русскому сердцу стало ... приятно", хотя оно и идет вразрез с его убеждениями!

Спрашивается, что ж я предпринял? Вспомним русскую пословицу, что "мы русские, задним умом крепки", и, опровергая эту пословицу, как уже анахронизм, решил оградить себя. Написал письмо графине Уваровой⁵ в Москву, как наиболее влиятельной особе, что прошу, что в случае моего ареста (очень возможно, да и нужно думать он и не будет делать. Это – как решение, формула. Задача!) она будет уведомлена из другой губернии о моем аресте и пособит только "дать возможность" (могут и лишит этой возможности) смыть с себя жандармскую грязь, которой полковник хочет облепить меня, как народ[ного] уч[ителя] и патриота.

Затем написал в П[етербург] в Император[скую] Археол[археологическую] Ком[иссию] А.А. Спицыну⁶ о том же. Прошу справиться о моей деятельности в Обществе. Я даже удивился себе, откуда у меня появились такие способности оградить себя... Ведь лично мне даже было бы очень приятно жить на "казенных хлебах" или есть черствый хлеб народ[ого] уч[ителя], лишь бы дали перо в руки да позволили взять свою фисгармонию... но поступим так потому, что, быть может, при будущих Археологических съездах это указание может пригодиться для тех, которые не обладают настолько желанием побывать на "готовых хлебах".

Господи! Как трудно маленькому человеку [...] в описании и чего же – старины, старины нашей, родной, начало которой положил Блаженной памяти император Александр III! Служу 21 год, состою 3-е трехлетие гласным, членом всяких творческих комиссий, лектором народных чтений, учетчиком, ревизионным членом Общества трезвости и я вдруг – политически неблагонадежный и по работе чего же? Археологии. Просто и смешно и досадно, что же это я в своих описаниях [...] восстановлению Малороссии, что ли? Или ставлю кандидатуру на гетманы? Неужели так? Как не желалось бы пожить в Гетьманщинском дворце и покурить трубочку в саду гетманском, но все таки нужно сознаться, что если бы не один полковник полка признал бы меня гетманом, а все жандармские полки поднесли бы мне клейноды и булаву – я должен был бы отказаться потому что я ... Не умею даже сказать пару слов на малороссийском языке, хотя это и мой родной язык, но я уже больше русский и не могу разделить любовь между отцом – Россией и матерью – Малороссией, даровавшими мне жизнь!

Как уже разыграется дальше моя кандидатура на гетманы – не знаю, но буду вписывать в свой журнал последующие события.

№ 158

1901 декабря 20

народ[ый] уч[итель]

Семен Гатцук

*Науковий архів Інституту археології НАН України. – Ф. 6. – Спр. 100. – Арк. 1–15.
Оригінал.*

Примітки:

1. Йдеться про Михайла Миколайовича Бережкова (1850 – 1932), відомого історика, професора Ніжинського історико-філологічного інституту князя Безбородька. Він був, зокрема одним із засновників і керівників створеного на базі цього навчального закладу Ніжинського історико-філологічного товариства, до складу якого входив і С.А. Гатцук.

2. Палац К.Г. Розумовського у с. Баклань було споруджено, за свідченням сучасника, на початку XIX ст. "в подражание итальянским сельским около Рима домам... Самой дом имеет положение свое на краю одной высокими деревьями обросшей горы, и из второго его этажа сделан выход на арках, по коему можно из комнат выходить в отверстую природу, и именно

прямо на высокую гору, обделанную так, что представляет собою натуральный аглинский сад" (*Гун О. Поверхностные замечания по дороге от Москвы в Малороссию в осени 1805 года. – М., 1806. – Ч. 1. – С. 55–57*).

3. Цей "кромольний" універсал П.Л. Полуботка неодноразово згадується в листах С.А. Гатцука до В.Л. Модзалевського, датованих 1904 – 1905 рр. (*Коваленко О.Б., Ясновська Л.В. Листи С.А. Гатцука до В.Л. Модзалевського // Скарбниця української культури. – Чернігів, 2002. – Вип. 3. – С. 157–159*).

4. Меншиков Михайло Йосипович (1859 – 1918) – відомий публіцист, співробітник часопису "Новое время".

5. Уварова Парасковія Сергіївна (1840 – 1923) – голова Імператорського Московського археологічного товариства, організатор численних археологічних експедицій та Всеросійських Археологічних з'їздів.

6. Спіцин Олександр Андрійович (1858 – 1931), видатний учений, дослідник слов'янських старожитностей